Дж. Ревелли (Италия)

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ «РОССИЙСКОЙ ПАМЕЛЫ» П. ЛЬВОВА: НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

В литературном творчестве название произведения может быть связано не только с содержанием, но и с жанром, и с литературным образцом, что особенно характерно для русской сентиментальной прозы 2-й половины XVIII века[1]. Так, П. Ю. Львов в названии своего романа[2] напрямую отражает связь с «Памелой» С. Ричардсона, романом, с которым российские читатели того времени были хорошо знакомы[3]. Этот роман стал известен в России еще до 1787 года, когда был опубликован его перевод на русский язык[4]. Несмотря на связь с романом Ричардсона, «Российкая Памела» Львова не имела такого же, как «Памела», успеха. Сразу после выхода в свет роман Львова подвергся критике за чрезмерную зависимость от английского образца. Особенно ожесточенные нападки на Львова исходили со стороны А. И. Клушина, который вывел писателя в журнале «Зритель» под именами «Миниатюркина» и «Антиричардсона»[5]. По мнению В. Сиповского, роман П. Львова – это лишь подражание ричардсоновской «Памеле»[6]. Однако в предисловии к своему роману сам П. Львов прямо говорит о том большом значении, которое придает своему труду: «Усердие мое и даже самая приверженность к любезному Отечеству моему заставили меня написать "Историю Марии, добродетельной Поселянки", которая была почтенна в поступках своих, сколько "Памела", писанная славным Ричардсоном, может быть для примеру» – и, в частности, стремлению показать, «что есть и у нас столь нежныя сердца, великія души в

ниском состоянiи и благородная чувствительность» (I: 1)[7]. Осуществляя поставленную перед собой цель, Львов безусловно непосредственно обращался к знаменитому образцу. Решить вопрос о том, подражал ли Львов Ричардсону или использовал его роман как ориентир, «пример» для своего произведения, как сам автор пишет в предисловии, а также определить возможные связи романа Львова с национальными русскими источниками, в частности древнерусскими, — основные задачи данной работы.

Сразу заметим, что П. Львов отказался от эпистолярного жанра, образцами которого стали «Памела» С. Ричардсона и «Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо[8]. Несмотря на то, что во второй половине XVIII века этот жанр был популярен не только в Европе, но и в России[9], Львов придал своему роману самую традиционную форму, и сделал это вовсе не потому, что отдавал предпочтение действию по сравнению с размышлениями в письмах. Хотя роман разделен на главы, но каждая из них посвящена лишь одному происшествию, и рассказчик монотонно и бесстрастно, нередко прибегая к диалогам, ведет свое повествование подобно тому, как это бывает в эпистолярном жанре.

Как известно, в английском романе[10] читатель узнает о событиях непосредственно от чувствительной Памелы, которая в первом томе романа «переводит» окружающую действительность в письма, регулярно посылаемые родителям, а во втором — поверяет все свои впечатления дневнику. В связи с этим в романе Ричардсона Памела — единственный центральный персонаж. Остальные персонажи, в том числе господин Б., имеют второстепенное значение и изображены через восприятие главной героини, шестнадцатилетней девушки[11].

В «Российской Памеле» картина иная. Роль Марии в посвященном ей романе менее значительна, чем роль ее прообраза в «Памеле». Львов отводит много места мужским персонажам, и главная героиня далеко не всегда оказывается в центре событий, а во второй части она вообще перемещается на второй план, уступая место Евгении.

Однако, несмотря на значительное отличие в композиции романов, в «Российской Памеле» обнаруживается немало тем и повествовательных мотивов романа Ричардсона. Среди наиболее значительных тем обоих романов можно выделить следую-

щие (для удобства последующего анализа они обозначены большими буквами): **А**) Тема деревни; **Б**) Незаурядные качества девушки низкого происхождения (красота, ум, благородство)[12]; **В**) Тема морали и нравственности; **Г**) Священные книги как источник знания; **Д**) Роль отца в воспитании детей; **Е**) Социальное неравенство; **Ж**) Идеализация прошлого; **З**) Тема бедных; **И**) Любовь как средство спасения порочного барина.

Среди наиболее общих повествовательных мотивов — такие (для удобства последующего анализа они обозначены строчными буквами), как: **а**) мотив подкупа; **б**) мотив похищения; **в**) переезда в новый дом; **г**) тяжелой болезни; **д**) мотив свадьбы и счастливого конца жизненных испытаний.

Памела выросла в деревне (**А**), затем попала на службу к знатной пожилой даме, которая дала ей светское образование. Памела много читает и часто пишет родителям, особенно отцу, длинные письма. У российской Памелы жизнь складывается по-иному. Она рано потеряла мать и живет с отцом, братьями и сестрами в глухой русской деревне (**А**), в «обветшалой хижине», которая находится в поместье дворянина по имени Виктор. Мария воспитывалась отцом в непосредственном контакте с природой, поэтому ей не пришлось получить светское образование, но девушка умеет читать и писать — трижды она пишет длинные письма Виктору.

В начале обоих романов возникает сходная ситуация. К Памеле воспылал сильной страстью господин Б., сын ее госпожи. Мария вызывает к себе сильные чувства у Виктора. В обоих романах данные ситуации порождают конфликт (в его основе — социальное неравенство между девушками и их кавалерами (**Е**) — и способствуют развитию действия. Господин Б. поначалу (имеются в виду события, описанные в первом томе) видит в Памеле только служанку своей матери и даже не помышляет о женитьбе на ней. В отличие от него, Виктор уже после первой встречи с Марией понимает, что сможет получить «божественную и сказочную» возлюбленную только после свадьбы («Мария такое сокровище, которое ни за какие деньги достать нельзя... у них-то, друг мой, правда и непорочность дороже всяких сокровищ, дороже даже и самой жизни» (I: 23). Мария и Виктор на первом этапе их отношений не задумываются о социальной пропасти,

разделяющей их. Но отец Марии Филипп категорически против этого брака (**Е**). Он убежден в том, что они не могут быть счастливы, так как его дочь не готова жить в лживом светском обществе. Он мечтает о том, что у его Марии будет «пристойный муж простой Поселянин, умеющий трудиться и своими руками достающий свое пропитание» (I: 69–70).

Обеих девушек отличает моральная чистота и благородство души (**В**). Обе они находят прочную опору в своих отцах (**Д**). Мистер Эндрюс, отец ричардсоновской Памелы, образованный человек, прежде довольно зажиточный, но теперь обедневший, заботится о сохранении непорочности и чести дочери – он пишет ей нравоучительные письма. Дважды Эндрюс защищает Памелу от необузданной страсти господина Б. – ради этого он приезжает к дочери, когда узнает, что она попала в сложную ситуацию. Назидания отца Памелы, исполненные моральных принципов и подкрепленные цитатами из священных книг (**Г**), отражают строгие взгляды пуританского общества XVI–XVII вв.[13] Так, во втором письме Эндрюс пишет дочери: «For we had rather see you all covered with rags, and even follow you to the church-yard, than have it said, a child of our's preferred any wordly conveniencies to her virtue» (I: 26).

Такое же отцовское покровительство исходит от Филиппа, который бережет свою Марию как зеницу ока (**Д**). Однако религиозное мировоззрение и суровые принципы христианской морали, которые пронизывают английский шедевр, в «Российской Памеле» почти отсутствуют. Хотя мировоззрение отца Марии было сформировано чтением священных книг (**Г**), он смог, получив на это разрешение Честона, отца Виктора, познакомиться и с более современными произведениями, «протчими творениями писателей, проповедующих добродетель и изощряющих умы» (I: 29)[14]. Рассуждения отца Марии о природе, о социальном неравенстве, о лжи и иллюзиях большого света близки взглядам Ж.-Ж. Руссо[15].

Можно заметить, что общие для рассматриваемых романов темы, обозначенные нами, получают в них в значительной степени отличную идейно-художественную реализацию. Общие повествовательные мотивы также в «Российской Памеле» имеют иное сюжетное наполнение.

Так, мотив подкупа (**а**) в романе Львова связан с отказом Филиппа дать согласие на брак дочери с Виктором. Тогда, не желая отступиться от возлюбленной, по совету коварного Плуталова, молодой дворянин предпринимает попытку соблазнить Марию драгоценными украшениями. И, конечно же, получает отказ, в котором она гордо сообщает возлюбленному, что бриллианты ее не прельщают, тем более что в природе она «видела на цветах и на траве росяные капельки, в коих солнечные лучи блестя, пленяли более ее взор...» (I: 73) и, кроме того, «она никогда не оставит своего дряхлого отца, составляющего все ее богатство» (I: 73). В описанной ситуации, как и во многих других в романе, нашли отражение взгляды Руссо [16].

В английской же «Памеле» господин Б. изначально и не один раз пытается соблазнить Памелу дорогими подарками. В тот момент, например, когда Памела, не по своей воле удерживавшаяся в Линкольншире, получает от него письмо, в котором он предлагает ей огромную плату в обмен за ее «любовь» — деньги, драгоценности и даже владения. Девушка, для которой, по ее словам, дороже честная бедность, чем драгоценности и имущество, приобретенные такой ценой, отвечает решительным отказом — «To lose the best jewel, my virtue, would be poorly recompensed by the jewels you propose to give me» (II: 229) «that I am above making an exchange of my honesty for all the riches of the Indies» (II: 230). Реализация мотива подкупа в обоих романах способствует раскрытию высоких моральных качеств главных героинь (**В**).

Хотя повествовательные мотивы похищения девушек и переезда их в новое жилище (**б, в**) в обоих романах связаны между собой, события, воплощающие их, отличаются. В «Российской Памеле», получив отказ Марии на предложение разделить с ним за вознаграждение любовь, Виктор решает похитить ее из горящего дома, приказав своим слугам его поджечь. Лишь по счастливой случайности обошлось без жертв — все семейство пребывало в гостях. Памела же по приказу господина Б. была похищена в тот момент, когда ехала к своим родителям, и долго против своей воли удерживалась в одном из домов похитителя в Линкольншире. После упомянутых событий и та, и другая героиня вынуждены были по разным причинам оставить свое прежнее жилье.

Мотив болезни (г) молодых дворян в обоих романах связан с неудачной попыткой похитить возлюбленных. Господин Б. заболевает сразу после того, как, убедившись в непреклонности Памелы, отпускает ее из вынужденного заточения домой. Однако девушка, узнав от слуги (он догоняет ее, чтобы передать письмо от господина Б. с просьбой вернуться к нему) о его болезни, возвращается назад. В «Российской Памеле» Виктор также заболевает после безуспешной попытки похищения Марии – он считает, что потерял ее навсегда. Но, несмотря на серьезную болезнь, он просит Филиппа руки его дочери – и вновь получает отказ. В тесной связи с указанным мотивом в «Российской Памеле» развивается тема бедных людей. Мария навещает нищих (**З**), помогает страдающим и больным, раздавая им милостыню, иногда даже свои личные вещи. Так же, как и господин Б., Виктор посылает Марии письмо, в котором просит простить его и выйти за него замуж без разрешения отца. В своем ответном письме девушка соглашается простить возлюбленного, но предложение о женитьбе отвергает. Отец же, появившись раньше времени, забирает у дочери письмо. В который раз он внушает дочери мысль о социальной пропасти (**Е**), отделяющей ее от Виктора: «Неравенство страшно, неужели оно тебя не ужасает?» (I: 121). Мария пытается защищать свое право на счастье: «Если мы не равны, то для чего же сердца согласны, желания одинаковы...?» (I: 122).

Иное развитие получает тема социального неравенства в ричардсоновской «Памеле». Будучи уверенной в том, что «Virtue is the only nobility» [17](I: 83), Памела не выступает против социального неравенства, но осуждает тех представителей высшего общества, кто совершает недостойные поступки, что, в частности, отражается в упреках господину Б.: «You have taught me to forget myself, and what belongs to me; and have lessened the distance that fortune has made between us, by demeaning youself, to be so free to a poor servant» (I: 55). Когда же Памела все-таки решается выйти за господина Б. замуж, ее отец, в отличие от отца Марии, благодарит Бога за то, что его дочь займет высокое положение в обществе – те же чувства испытывает и сама Памела. Напротив, российская героиня не видит в браке с Виктором путь к достижению высокого положения; более того в глазах ее отца представители высшего света утратили все положительные иделы, не спо-

собны к искренним чувствам – перспектива вхождения Марии в это общество огорчает его. Не случайно, когда он наконец дает согласие на брак дочери с Виктором (молодой дворянин, находясь в тяжелом состоянии, в третий раз просит его об этом), он произносит: «Зиждитель мира! Ты видишь, что чувствительность побеждает мое сопротивление; а не богатство его, не род, не светские мечты» (I: 140). Закончив длинную речь, отец трогательно благословляет влюбленных и дает им советы. Первый том заканчивается празднованием свадьбы Виктора и Марии.

Определенное расхождение наблюдается и в развитии темы любви как средства спасения порочного барина (**И**). Если господин Б. под влиянием добродетельного поведения Памелы и благодаря проснувшемуся в нем высокому чувству любви, преображается сразу же после свадьбы, то молодой барин Виктор и после свадьбы заставляет Марию много страдать, прежде чем своей чистой любовью и самопожертвованием она сумеет окончательно отвратить его от порока. Счастливый конец их истории наступает только в конце второго тома.

В основу второй части «Российской Памелы» положена другая история, главной героиней которой становится Евгения. Но, несмотря на самостоятельный сюжет, с первой она связана и прежними персонажами, история которых, хотя и уходит на второй план, но продолжает развиваться, и общей тематикой, и таким приемом повествования, характерным вообще для приключенческих романов 2-й половины XVIII в. [18], как прием постоянного перемещения места событий. В этой части, однако, появляются такие дополнительные повествовательные мотивы, сближающие роман с «Памелой» Ричардсона, как **е**) мотив бегства героев; **ж**) нападения разбойников; **з**) морского путешествия; **и**) мотив далеких заокеанских стран; **к**) возвращения персонажей в первоначальное место действия.

Одной из важнейших повествовательных констант в этой части романа П. Львова становится мотив бегства главных героев (**е**), что определенным образом сближает его со вторым томом романа Ричардсона, к чему мы вернемся ниже. Действие в этой части начинается с того, что сначала Виктор совместно со своим другом Плуталовым, оставив Марию (как оказывается, на неопределенное время), в своем имении в деревне (**А**), отправля-

ется в город (а фактически бежит от семейной жизни). Несчастная Мария, потеряв надежду на возвращение мужа, в свою очередь также бежит из дома. В отчаяньи она долго бродит по деревне, пока в конце концов ни поселяется в заброшенном доме, где, скрывшись ото всех, рожает сына, которого называет Премилом.

Далее главным действующим лицом становится Евгения. Ее история типологически ближе истории Памелы, чем сюжет о Марии. Так же как и Памела, Евгения живет на положении горничной в богатом доме. Этот дом принадлежит князю Многосулову. Девушка давно не имеет известий от своих родителей. Какое-то время назад они отправились в Англию, но их корабль потерпел крушение (з) – ходили слухи, что ее мать умерла. Как и Памела, Евгения вынуждена защищаться от недостойных притязаний хозяина, который, желая видеть ее своей любовницей, пытается ее подкупить (а). Не располагая иным способом самозащиты, она пытается убедить своего преследователя оставить ее в покое словами, исполненными высокого нравственного смысла. Выражения, которые использует при этом героиня, не только по смыслу, но и по конкретному наполнению близки высказываниям Памелы. Показателен, например, такой фрагмент одного из обращений Евгении к Многосулову (см. выше отрывок из «Памелы» – II: 230): «Что я тут теряю? ... Разсмотрите хорошенько, я тут теряю честь, высокую цену жизни моей, возвыситься за такую низость? Нет! Это значит унизиться до самой последней степени ...» (II: 77). Евгения, как и Памела, просит отпустить ее. И, получив отказ, бежит из дома князя тайно. В поисках укрытия она попадает в ту хижину, где скрывается Мария, в которой они живут вместе вплоть до самой развязки романа.

Что касается мотива бегства в романе Ричардсона, то он так же, как и у Львова, связан в первую очередь с главной героиней, хотя и не только. Так, Памела не однажды задумывалась о том, как устроить побег от господина Б. в первый период их отношений. И дважды она осуществляет свои намерения, первый раз неудачно, второй – успешно.

Финальная часть романа Львова по своему построению генетически восходит к комедии интриги. Первоначальным этапом

финала можно считать сцену, когда все герои-мужчины собираются в городском доме Виктора. Этому предшествует внезапное возвращение отца Евгении Милонравова, который, подъезжая к городу, подвергается нападению разбойников (ж), коими оказались слуги Многосулова. Убежать от них ему удалось благодаря помощи Милона, брата Марии (во втором томе «Памелы» нападению разбойников подвергается священник Вильямс). Собравшимся в доме Виктора Милонравов рассказывает о своих долгих путешествиях по морям (з), об обстоятельствах смерти своей жены, об Англии, Америке и других далеких заокеанских странах (и), где люди живут счастливо, о странах, государственные отношения в которых строятся по принципам Руссо. Наконец, все вместе они отправляются, а вернее сказать, бегут, в поместье Виктора (к) на поиски Марии и с трудом находят хижину, где она живет с Евгенией и Премилом. Все герои, таким образом, собираются вместе и празднуют счастливое окончание испытаний. Виктор навсегда соединяется со своей «божественной» Марией и сыном Премилом. Евгения после долгой разлуки встречается со своим отцом и возлюбленным Милоном. Подобное перемещение повествования наблюдается и в «Памеле» Ричардсона: основные события первой части разворачиваются в доме господина Б., расположенном в одном из родовых поместий, второй части – в другом поместье. В конце романа счастливые молодожены возвращаются в первоначальное место действия.

Несмотря на то, что во второй части романа Львова сохраняется сходство с «Памелой» Ричардсона, идейно-художественные связи с ней несколько ослабевают, о чем, в частности, свидетельствует финальная часть. Развязку в «Российской Памеле» отличает существенная деталь, которая так или иначе связана со стремлением автора утвердить мысль о духовном преображении главного героя. Празднуя свое вновь и раз и навсегда обретенное счастье, Виктор решает построить приют – «дом, в коем бедные, больные, скудные, путешественники могли бы наслаждаться отдохновением, прохладою, вспоможением и приветливым гостеприимством» (II: 140), на том месте, где стоит хижина, в которой в трудный период жили Мария, Евгения и его сын Премил. Такое заключение многозначительно и контрастно тому состоянию внутреннего самодовольства, в котором пребывает в

подобной ситуации в финале романа Ричардсона господин Б., о чем свидетельствуют его слова, которые он произносит, созерцая природу: «All nature, methinks, blooms around me, when I have my Pamela by my side» (II: 512).

Кроме того, в «Российской Памеле» наблюдается более значимое обращение автора к русской национальной культуре. Так, например, главным героям, следуя литературной традиции, основанной в XVIII веке А. П. Сумароковым и Д. И. Фонвизиным, автор дает значащие имена: Евгения[19], Милонравов (отец Евгении), Исправ и Милон (братья Марии, последний – возлюбленный Евгении), Честон и Гордона (отец и мать Виктора), Многосулов (порочный князь, воплощение всякого зла), Плуталов (фальшивый друг Виктора).

Сравнительный анализ «Российской Памелы» П. Львова с «Памелой» Ричардсона показал, что английский роман послужил российскому автору важнейшим источником тем, повествовательных мотивов и сюжетных ходов в создании его романа. Однако убеждение в этом не позволяет нам сделать вывод о том, что Львов лишь подражал образцу. Если считать подражание «литературным, сознательным воспроизведением некоего литературного художественного образца» [20], становится очевидным, что русский писатель не ставил перед собой такой задачи. Как и поэты-классицисты XVIII века, заимствовавшие свои литературные правила из произведений-образцов, он воспользовался определенными темами и повествовательными мотивами английского романа только для того, чтобы развернуть их с помощью видоизмененных повествовательных и стилистических приемов и наполнить их во многом иным идейным содержанием. Обрисовывая таких персонажей, как Мария, Филипп, Честон, Милон, П. Львов пытается раскрыть в каждом из них связь с отечественной национальной традицией. Показательно название романа, подчеркивающее, что образ российской Памелы, выведенный в романе, содержит явление, характерное именно для России, национальное и вовсе не единичное – отсюда появление во втором томе новой главной героини. Об этом автор говорит в предисловии к роману: «есть Памелы, новые Элоизы и им подобные, как в Англии, в Францiи, Германiи и прочих Государствах, <u>где оне потому так громки, что гораздо реже встречаются</u>, нежели в

Россiи, коей нравы хотя и переменились, но не развращены еще и предразсудок нестоль владычествует, как в других местах» (I: 1). Эти замечания свидетельствуют о реакции на активное проникновение на русскую почву новых западно-европейских веяний задолго до появления «Беседы» А. С. Шишкова (конец первого десятилетия XIX в.). Однако главные герои «Российской Памелы» в своих речах и поступках так или иначе отражают важнейшие культурно-исторические явления и философские идеи, распространившиеся в образованной части европейского общества во второй половине XVIII века. Сам Львов, хотя относился к подобным веяниям достаточно критически, не отвергал их окончательно и стремился, воспринимая их, переосмысливать их в духе национальной культурной традиции. Данная позиция писателя нашла отражение и в романе «Российская Памела». Об этом свидетельствует и само название романа, и те особенности в его сюжете, в частности во второй его части, о которых уже упоминалось. Однако еще более определенное отражение данная установка писателя находит в обнаруживающейся при ближайшем рассмотрении связи романа с древнерусской литературой, что может стать темой отдельного исследования, выходящего за рамки настоящей статьи. Приведем здесь лишь один пример, который показывает, что образ Марии у Львова складывается не только под влиянием западно-европейской традиции, но вбирает в себя некоторые черты женских образов древнерусской литературы. Процитируем здесь один из фрагментов романа, связанный с мотивом болезни. Мария и Виктор разлучены, отец не дает согласия на их брак, молодой человек тяжело заболевает. В думах о нем Мария занимается благотворительностью: навещает больных, раздает милостыню нищим, усердно молится Богу за здоровье любимого. Как-то, выходя из церкви, она останавливается на высоком крыльце и, глядя на великолепный дом Виктора, обращается к нему: «⟨...⟩ вы спесивые стены, сокрывающие моего любезного ⟨...⟩ разодвинтесь, дайте мне его увидеть, или хотя допустите до него мои стоны, мое о нем сожаление ⟨...⟩ Ах! ⟨...⟩ сказала бы ему будь здоров, я тебя люблю и он выздоровел бы ⟨...⟩ Солнышко уже на полдень катится, мне пора итти домой. Прощай, Виктор» (I: 112). Мало того что данный монолог Марии соотносим с таким жанром древнерусской литературы, как

плач, его содержание и обстоятельства, при которых он произносится, вызывают ассоциацию с плачем Ярославны на стенах Путивля: «Ярославна рано плачетъ въ Путивле на забрале, аркучи: "О ветре ветрило! Чему, господине, насильно вееши? Чему мычеши хиновьскыя стрелкы на своею нетрудною крилцю на моея лады вои? (...)"» [21]. Однако единственная рукопись «Слова о полку Игореве» была найдена А. И. Мусиным-Пушкиным только в период с 1791 по 1795 год [22]. Если предположить, что приведенный отрывок действительно связан со «Словом...», то это значило бы, что П. Львов имел в своем распоряжении не дошедший до нас список этого замечательного памятника, что маловероятно [23].

Скорее всего, истоки возникающих ассоциаций нужно искать в других древнерусских литературных и фольклорных произведениях, которые могли быть известны Львову.

Предварительные наиболее общие выводы о генезисе романа таковы. Взяв за образец «Памелу» С. Ричардсона, П. Львов создал такое произведение, в котором наиболее распространенные в Европе идеи, формировавшие образ героя конца XVIII в., через посредство характерных для сентиментальных романов тем и мотивов были воплощены в «Российской Памеле» в переосмысленном виде, в духе определенных исконно национальных идеологем. Данное обстоятельство потребовало от писателя в формировании художественного своеобразия романа, по-видимому, обратиться к национальным литературным источникам, раскрыть которые еще предстоит.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Иванов М. В.* Поэтика русской сентиментальной прозы // Рус. лит. 1975. № 1. С. 116; Русская сентиментальная повесть / Под ред. П. А. Орлова. М., 1979. С. 9–10; *Шаталов С. Е.* Ранний сентиментализм // Русский и западноевропейский классицизм: Проза. М., 1982. С. 334.

[2] *Львов П.* Российская Памела или история Марии добродетельной поселянки. СПб., 1789. Ч. 2, была напечатана в типографии Академии Наук за счет автора. Тираж 1000 экз. 2-е изд. М., 1794. Во втором издании заметно исправлена орфография. Об этом издании см.: Сводный каталог русской книги XVIII века. 1725–1800. Т. II. М., 1964. С. 186.

Далее ссылки на текст даются по первому изданию с указанием тома и страницы.

[3] Русские читатели познакомились с шедевром Ричардсона уже в 40-е гг. XVIII века, когда появился перевод с французского языка Шишкина под названием «Памела, или Награжденная добродетель». Этот перевод не был опубликован. Об этом см.: *Берков Н. П.* Иван Шишкин—литературный деятель 1740 года. М., 1958.; *Ципельзон Э. Ф.* Рукопись XVIII века // Вопр. литературы. 1969. № 1. С. 254—255; *Костюкова В. В.* Роман Ричардсона «Памела» в переводе Ивана Шишкина // XVIII век. Сб. 18. СПб., 1993. С. 322—334.

[4] «Памела или Награжденная добродетель». Английская нравоучительная повесть. Сочиненная С. Ричардсоном в IV частях. Переведенная с французского языка. СПб., 1787 г. (перевод с французского П. П. Чертокова). Об этом издании см.: Сводный каталог русской книги XVIII века. 1725—1800. Т. III. М., 1966. С. 39; *Пыпин А. Н.* Для любителей книжной старины: Библиогр. список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр. в особенности из первой половины XVIII в. М., 1888. С. 43. Новый перевод с французского в 4 частях. Смоленск, 1796. На русском роман больше не издавался.

[5] *Клушин А.* Зритель: Февраль. 1792 г. С. 54—55.

[6] *Сиповский В. В.* Очерки из истории русского романа. Т. I. Вып. 2 (XVIII век). СПб., 1910. С. 491—512. См. также: *Левин Ю. Д.* Восприятие английской литературы в России. Л., 1990.

[7] Карамзинисты воспевали Россию как счастливую обитель чувствительных сердец. Об этом см.: *Иванов М. В.* Указ. соч. С. 118.

[8] О литературном происхождении этого жанра см.: *Kauffman L. S.* Discourses of desire Gender, genre and epistolary fictions. Ithaca; London: Cornell U. P., 1986; *Praz M.* Studi e svaghi inglesi. Milano, 1983. Vol. 2. P. 134—137.

[9] *Black F. G.* The Epistolary Novel in the Late Eighteenth Century: A Descriptive and Bibliographical Study. Norwood Editios, 1977; *Сиповский В. В.* История русской словесности. Ч. II. (История литературы с эпохи Петра I до Пушкина). 3-е изд. СПб., 1910. С. 154—174.

[10] *Richardson S.* Pamela; or, virtue rewarded. London: Penguins books, 1985. В этом издании два тома в одной книге. Далее в статье ссылки на роман даются по этому изданию с указанием тома и страницы.

[11] *Davis Lennard J.* Factual Fictions: The origins of the English novel. New York: Columbia U. P., 1983. P. 174—193; *Doody M.* A Natural Passion: A Study of the Novels of Samuel Richardson. Oxford Clarendon Press, 1974. P. 14—35.

[12] Этой теме посвящена отдельная работа: *Ревелли Дж.* Женский образ «Марии, российской Памелы» и ее английский прототип // XVIII век. I. № 21. С. 296—302.

[13] *Wolff Griffin C.* Samuel Richardson and the Eighteenth-century Puritan Character. Hamden Archon Books, 1972. Vol. I. P. 15—45.

[14] О книжности героя сентиментализма см.: *Кочеткова Н. Д.* Герой русского сентиментализма. I: Чтение в жизни «чувствительного» героя // XVIII век. Сб. 14. Л., 1983. С. 121–142.

[15] О восприятии Руссо в России см.: *Лотман Ю. М.* Руссо и русская культура XVIII века // Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967. С. 206–281.

[16] По этой теме, например, см.: *Лотман Ю. М.* Пути развития русской просветительской прозы XVIII века // Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века. М., 1961. С. 87–89.

[17] Памела здесь прямо цитирует восьмую сатиру Ювенала в переводе поэта Дж. Степнея.

[18] Об этом литературном жанре см.: *Серман И. З.* Становление и развитие романа в русской литературе середины XVIII–XX веков. М.; Л., 1959. С. 88–89.

[19] Евгения – имя изначально греческое, что значит «благородный по происхождению».

[20] См.: Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. М., 1987. С. 283.

[21] «Слово о полку Игореве» // ПЛДР. XII век. М., 1980. С. 384. О популярности «Слова о полку Игореве» в Екатерининскую эпоху см.: *Моисеева Г. Н.* «Слово о полку Игореве» и Екатерина II // XVIII век: Сб. 18. СПб., 1993. С. 3–30; *Лотман Ю. М.* «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII – начала XIX // «Слово о полку Игореве»: Памятники XII в. М.; Л., 1962. С. 330–405.

[22] Об этом см.: *Творогов О. В.* К вопросу о датировке Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. 31. Л., 1976. С. 156–164.

[23] Несмотря на тщательное расследование, проведенное мной в российских архивах, я так и не смогла установить местонахождение или участь библиотеки и архива П. Львова.